

Анна Орехова

ГЛУХЕ
ПРАВОСУДИЕ

Доказать вину

Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
О-65

Редактор серии *Л. Латышова*

Дизайн переплета *Н. Каптыкиной*

Орехова, Анна.

О-65 Глухое правосудие. Доказать вину / Анна Орехова. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-226231-9

Расследование завершено. Наконец-то человек, из-за которого Ника потеряла слух, окажется на скамье подсудимых. Казалось бы, самое время праздновать, вот только Ника получает доказательства того, что обвиняемый невиновен. Она пытается убедить следователя, что расследование нужно продолжить, но процесс запущен, дело направлено в суд. Важные улики дискредитированы, свидетели лгут, новые факты трактуются двояко. Невиновные вот-вот окажутся в тюрьме, а обидчик Ники так и не будет найден. Чтобы добиться справедливости, ей остается только одно — смахнуть пыль с диплома юриста и взять правосудие в свои руки.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Орехова А., 2026
© ООО «Вимбо», 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-226231-9

*Посвящается Баффи,
моему серому пушистому
соавтору*

ЧАСТЬ I

**Досудебное
расследование**

ГЛАВА 1

Нежданный подарок

После серой дождливой зимы хотелось солнышка и ярких красок. Выбраться на природу, устроить пикник, гулять, дышать, наслаждаться. Погода подталкивала: «Прыгай в машину и мчи за город!» Когда еще выдадутся такие деньки? Уже не холодно, но еще не жарко; все вокруг зеленое, сочное; желтые макушки одуванчиков приманивают не менее желтых пчел; лягушки по вечерам устраивают концерты. Идеальное время, жители юга знают: нужно пользоваться моментом, еще месяц-другой — и наступит невыносимая жара.

Однако весна в этом году лишь манила и поддразнивала, словно насмехаясь над теми, кто застрял в четырех стенах, мечтая выбраться на волю. Вот уже пятый раз карантин продлевали еще на неделю, казалось, сумасшествию нет конца. Запертые по домам люди как с цепи посрывались, количество преступлений на бытовой почве росло, а потому, в отличие от

других граждан, у Андрея и его коллег работы только прибавлялось.

Чайник шумел, подогревая воду. Кофе не хотелось, но «хочу» давно уже покинуло словарный запас Андрея, уступив место безапелляционному «надо». Ночная смена плавно перешла в дневную. Поспать удалось всего полчаса, о чем Андрей уже жалел, потому как после такого «отдыха» чувствовал себя вконец разбитым. Кофе был единственной возможностью хоть немного взбодриться.

В такие минуты желание послать все подальше подбиралось к критической точке. Душу грела лишь заветная отметка «пять лет», после которой, как обещали коллеги, нагрузка будет меньше. До «пятерки» Андрею оставалось полгода, и он намеревался преодолеть финишную черту как минимум из спортивного интереса. Вот и сейчас, вместо того чтобы побыть в кои-то веки дома, Андрей сидел в рабочем кресле, смотрел на заваленный бумагами стол и думал, сколько еще протянет в таком режиме.

Чайник щелкнул. Две ложки растворимого, ложка сахара, кипяток и капелька сливок, чтобы было не так противно. От горького аромата к горлу подкатила тошнота.

— Ненавижу, — проворчал Андрей, делая глоток. Очки тут же запотели. — Господи, какая дрянь!

Но кофе работал, и только это было сейчас важно. Конденсат на стеклах очков медленно таял, зрение прояснялось, а вместе с ним мысли потихоньку выстраивались в ряд, фрагменты ночной смены, ничем не отличающейся от всех прочих ночных смен, собирались воедино: три вызова, один следственный эксперимент, тонны бумаг, что-то еще... Ах да, очередная беседа с шефом, и снова о деле Подставкина.

Чертово дело Подставкина! Подарочек от предыдущего следователя, который сошел с дистанции, не протянув и трех лет. Не по своей воле, кстати, что с таким подходом к работе неудивительно.

Этот кретин умудрился рассмотреть в самоубийстве убийство! Но кретином он был не по этой причине, а потому, что пошел со своими умозаключениями к начальству. Степан Геннадьевич, ясен пень, его послал, объяснив, что заведомый висяк возбуждать не собирается. Однако, вместо того чтобы уползти в кабинет и заткнуться, предшественник Андрея совершил карьерное самоубийство — приперся к матери жертвы и заявил: «Существует вероятность, что вашего сына убили». Господи, какой идиот! Хотя «идиот» — это мягко сказано.

— Эгоистичная ско-ти-на. — Усталость всегда обостряла привычку Андрея высказывать мысли вслух. — Тупой ленивый урод. Испортил всем жизнь и свалил.

Знал же, к чему это приведет! Знал, что мать у жертвы не простая. Но все равно пошел, добился своего — дело возбудили, после чего побарахтался еще несколько месяцев и уволился якобы по собственному желанию, а каша, которую он заварил, перекочевала на стол к Андрею.

Поначалу казалось, что в этом деле совершенно не за что зацепиться. Хирург Максим Анатольевич Подставкин употребил изрядную дозу разбавленного в коньяке нитроглицерина, написал предсмертную записку и готовился принять неизбежное, когда позвонила жена и сообщила, что обнаружила свежую кровь без сознания. Подставкин помчался домой. Кто знает, возможно, врачи «Скорой», ехавшие к его матери, оказали бы первую помощь и самому Подставкину, но вмешалась судьба со своей пресло-

вудой иронией: незадачливый самоубийца угодил под машину и скончался на месте. На первый взгляд все было ясно: попытка суицида плюс несчастный случай — расследовать нечего. Даже девушка, сбившая хирурга, вышла сухой из воды, в том смысле, что обвинение ей не предъявили, да и пострадала она изрядно — из-за аварии потеряла слух, такого никому не пожелаешь.

На этом история должна была закончиться, но полгода спустя предшественник Андрея доказал, что предсмертная записка Подставкина — фальшивка. Довольно качественная, даже написанная рукой жертвы, но тем не менее хирург ее не оставлял. Позже в картине преступления проявились и другие зацепки, указывающие на убийство. Однако ни одного более-менее приличного кандидата в подозреваемые так и не нашлось.

Андрей не понимал, с какого конца подобраться к этому делу: копнул в одну сторону, другую — безрезультатно. Да и, признаться, времени на раскопки не хватало, для этого нужно было как минимум сесть и хорошенько подумать, а как это сделать, когда нет минутки, чтобы носки сменить?

Так и висело дело Подставкина, дожидаясь своего часа. Андрей бесконечно искал поводы для продления сроков, а в те редкие минуты, когда рабочая нагрузка ослабевала, пытался разобраться, что же с этим Подставкинским произошло.

Именно в один из таких моментов случилось озарение: две недели назад Андрей проглядывал файлы жертвы, сохранившиеся в облаке, и зацепился за пару фотографий. Одна мысль догнала вторую, вторая толкнула третью, и вскоре нарисовался мотив. Дело сдвинулось с мертвой точки! Мотив потянул за собой подозреваемую, картинка потихоньку прорисовыва-

лась, хотя многие фрагменты все еще скрывались в тумане, но процесс однозначно пошел.

Услышав новости, шеф вцепился в версию Андрея, как стареющая проститутка — за последний шанс заарканить папика: «Подбирай хвосты, и баста! Закрывай это дело к чертовой матери!»

Андрей и сам не планировал затягивать, повторно опросил свидетелей, изучил улики, снова утвердился в собственной версии и уже был готов предъявить обвинение, но тут у подозреваемой нарисовалось алиби. Пришлось зайти с другого конца. Покрутив еще немного, Андрей понял, что преступников было двое, и на этот раз все окончательно сошлось. Тютелька в тютельку!

«Молодец, боец! — обрадовался шеф, вызвав вчера Андрея еще до начала ночной смены. — Заканчивай эту бодягу, больше никаких продлений».

Рвение шефа было понятно: мать убитого напирала и требовала результата. От ее настойчивости выл уже весь Следственный комитет.

«Подставкаина каждый день жрет мой мозг! — распалялся шеф. — Поверь, ощущение не из приятных! Так что давай уже, давай! Заканчивай!»

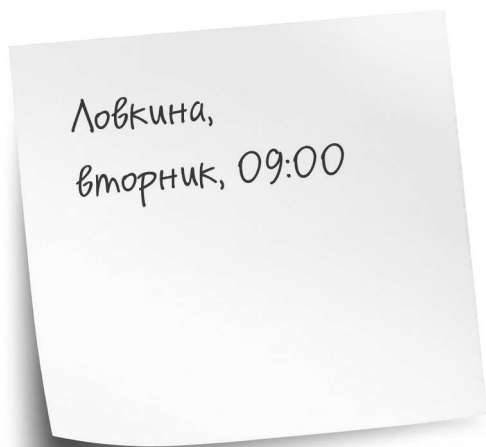
Андрей едва не ответил, что прекрасно знает, как ково это — когда кто-то жрет твой мозг. К счастью, сдержался. Степан Геннадьевич — мужик хороший, но даже хорошие мужики страшны в гневе.

«Принимай своих злодеев, проси ребят, пусть тряхнут их как следует. И чтобы к концу недели у меня на столе лежала как минимум одна явка с повинной».

— Явку с повинной им подавай... — проворчал Андрей, отпивая кофе. Содрогнулся, отставил кружку. Он давно подозревал, что бодрящим эффектом обладает вовсе не кофеин, а вкус напитка: попробуй

не проснуться, когда вливаешь в себя такую дрянь! Взгляд упал на стикер, приклеенный к краю монитора. — Да твою ж мать!

Записка, оставленная самому себе, напоминала:

Он совершенно забыл об этой бессмысленной, никому не нужной встрече. Интересно, чем руководствовался, пригласив свидетельницу на тот день, когда, как предполагалось, не должен работать? Видимо, смирился в глубине души, что выходные ему в ближайшее время не светят.

Андрей поправил очки и толкнул мышку, оживляя экран. До прихода Ловкиной оставалось полчаса — за это время можно накидать преамбулу к обвинительному заключению по другому делу. Если закончить с бумагами до двух часов дня, то получится сбегать домой, принять душ и пару часов поспать перед следующей ночной сменой. Почти полноценный отдых. Главное, чтобы встреча со свидетельницей не затянулась. Дернул же черт пойти у нее на поводу и согласиться пообщаться!

Это была та самая девушка, что случайно попала под раздачу: убить хотели Подставкина, а Ловкина ни за что ни про что лишилась слуха. Жутко, конечно, оглохнуть вот так, на ровном месте, и Андрей, ясное дело, Ловкину жалел. Но жалость жалостью, а работа работой — не должны эти плоскости пересекаться! Однако Андрей растерялся, дал слабину и теперь был вынужден тратить драгоценное время на бесполезные беседы.

Он позвонил ей вчера или позавчера... Когда это было? Неважно. Позвонил, чтобы уточнить пару деталей, а Ловкина попросила ее принять, объяснив, что со слуховыми аппаратами по телефону сложно общаться. Андрей не смог отказать, не каждый же день опрашиваешь глухих! Пожалел, естественно, как только повесил трубку. Теперь придется тратить время на бессмысленные встречи. Хотя оставалась надежда, что Ловкина не придет. Сколько раз он с таким сталкивался: человек умоляет выделить для него время, а потом пропадает.

— Потому что люди — идиоты, сами не знают, чего хотят.

Он скопировал преамбулу из предыдущего обвинительного заключения, вставил в новый файл и принялся исправлять фамилии и даты. Миграция стандартных формулировок из документа в документ давно уже стала частью работы. Никакого разнообразия, да и откуда ему взяться, если происшествия, которые расследовал Андрей, не сильно отличались друг от друга: один сосед стукнул другого по макушке рукоятью топора, муж пырнул жену кухонным ножом, дочь задушила мать сорванными с бельевой веревки джинсами.

Сто процентов подобных инцидентов случалось под воздействием алкоголя: пьяные, ничтожные,